

Ворожейкина И.А.

(Москва, Россия)

МЕНТАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ВОЕННОГО СЛЕНГА

Ряд отечественных лингвистов в своих работах считает, что по слову можно определить всю систему представлений о мире. «Языковые отношения, – пишет Б. А. Серебренников, – обладают огромной инклюзивной особенностью, т. е. они могут включать в себя, покрывать собой огромное количество самых разных отношений» [1]. Наметившийся в последнее время в русистике переход к антропологической и культурологической лингвистике позволяет рассматривать русский язык как отражение национального менталитета, культуры и традиции. Новые веяния позволяют глубже изучить не только национальный характер русского народа в целом, но и определить ментальность различных социальных групп, его составляющих.

Военный сленг – часть русского языка, отражающая менталитет солдат срочной службы. Что собой представляет в мировоззренческом отношении их сленг? Это вопрос, на который мы постараемся ответить.

При анализе философской стороны военного сленга важно учитывать как объективную, так и субъективную стороны. К объективной стороне относятся данные наблюдений вне определенного социума, к субъективной – «данные, характеризующие ценностную ориентацию, которой придерживаются члены данного языкового или речевого коллектива» [2].

Поэтому при анализе ментальной функции важно учитывать оценку реалий и с точки зрения собственно солдат, и с точки зрения гражданской части населения.

Д. С. Лихачев считал, что сниженность и вульгаризм речи людей, испытывающих несвободу, – особенность нашего восприятия, а в восприятии самого такого человека она носит героический, приподнятый характер» [3]. Однако «героический, приподнятый характер» сленга зависит во многом от ситуации. При общении солдат-срочников между собой многие «плохие», с точки зрения гражданской части населения, слова имеют нейтральный характер. Иное дело, когда представители воинских частей общаются с гражданскими людьми: в этом случае они стараются показать свое превосходство, утверждая, что и слова у них особые, необыкновенные. Значительное количество сленгизмов солдатами воспринимается иначе, чем гражданскими людьми. Например, сленгизмы *кусок*, *красик* обозначают, с точки зрения солдата, не только представителя армейского начальства, но и социального оппонента; если для гражданского человека *сушилка*, *катёрка* – показатель неустроенного быта, то для солдата это конспиративные места, где можно обсудить свои дела, развлечься, отдохнуть.

Общеармейский и специализированный сленг – составляющие солдатский язык части, отражающие мировоззрение солдат-срочников. Конечно, в большей степени это относится к общеармейскому, а затем уже к специализированным сленгам. Именно общеармейские сленгизмы послужили объединяющим началом (в мировоззренческом отношении) для солдат. В общеармейском сленге выражено критическое отношение к начальству (например, *кусок* – «сверхсрочнику», *чмо* – «замполит»), к низшим разрядам солдат (например, *чухан* – «униженный солдат, заключенный, над которым издеваются все, независимо от срока службы; неряшливый солдат»); в специализированных сленгах

чаще всего имеется неодобрительное отношение к сержантам «учебки» (*фашист* – сержант «учебки»), однако в некоторых специализированных сленгах отсутствуют обозначения начальства, их лексика состоит, в основном, из технических профессионализмов (таким, например, является сленг связистов).

В 30-е годы нашего столетия В. М. Жирмунский отмечал, что «метафорические сдвиги и переосмысления, характерные для семантики аргю, раскрывают своеобразную идеологию, основанную на враждебности к социальным идеалам и общественной морали господствующего класса, закрепленные в национальном языке» [4]. Выводы Жирмунского касаются прежде всего жаргона уголовников, и полностью экстраполировать их на солдатскую среду нельзя. Тем не менее, испытывая несвободу, общество солдат-срочников, служащих по принуждению, внутренне во многом противостоит свободному миру (прежде всего – молодёжным тусовкам), в том числе противостоит и многим устоявшимся общечеловеческим ценностям. Следовательно, философия аргю надклассовая: она не выражает ни интересы буржуазии, ни интересы пролетариата, ни крестьян, ни феодалов, ни ремесленников, ни торговцев и т. д.

А. Д. Швейцер при описании английского сленга в США, утверждал, что «наиболее широкие синонимические ряды формируются с нарушениями предписаний общепринятой морали» [5]. Это характерно и для русского военного сленга. Наиболее объёмными являются синонимические ряды, связанные с понятиями «украсть», «избить», «голод», «холод», «вышить», «обмануть», «негодяй», «предатель». В военном сленге широко представлены глаголы, объединённые общим значением «агрессивные действия»: они составляют более половины всех глаголов.

В военном сленге нет полутонов, тонких переходов, эмоции связаны с двумя оценками – положительной и отрицательной. Такое выражение эмоций с помощью сленгизмов характеризует объединение духовного мира солдат-срочников.

Отражённая в военном сленге философия соответствует основным принципам лингвокультуры несвободы. Эти «постулаты» формировались в течение ряда столетий в среде принудительно проходящих службу и окончательно оформились в 70-е годы XX века в неписаной морали солдата-правонарушителя. Такой солдат обязан: поддерживать «дедовщину», не заниматься общественной деятельностью, не работать, не иметь дружеских контактов с армейским начальством, быть честным по отношению к себе подобным, устанавливать в в/ч свою власть, вовлекать в правонарушения солдат второго года службы, не интересоваться вопросами политики, не выступать в качестве свидетеля совершённого солдатом преступления.

Военный сленг четко разграничивает криминогенную и законопослушную части солдатского общества. Не случайно в языке солдат-срочников имеется антитеза: *хороший пацан* – «солдат-правонарушитель», *что* – «тот, кто не относится к правонарушителям».

Д. С. Лихачев утверждает, что цель лингвокультуры несвободы – высмеять враждебную стихию [6]. Но враждебная стихия околу криминогенного сообщества – все те, кто не относится к ним.

Солдатская философия слова делит человечество на суперменов и неполноценных. Сверхчеловеком является солдат, постоянно нарушающий устав, а недочеловеком – любой, кто соблюдает устав. Это отчетливо проявляется в самоназваниях солдат:

человек – «солдат, живущий свободно от устава»; *честняк* – «солдат, честно соблюдающий написанные традиции».

Таким образом, без преувеличения можно сказать, что анализ ментальной функции военного сленга позволяет наиболее полно понять представления солдат срочной службы об окружающей их действительности, месте, которое они занимают в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Серебrenников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление.– М.: Наука, 1988.– С. 269.
2. Щербакoва О. И., Бруева Е. Т. Социально-корпоративная лексика. Словарь жаргона преступников: Учеб. пособие. – Минск: Изд-во Акад. МВД.– 210 с.
3. Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Исупов. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: Речевой и графический портрет советской тюрьмы.– Одинцово: Края Москвы, 1992.– С. 354-398.
4. Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты.– Л.: Худож. литер., 1936. – 296 с.
5. Швейцер А. Д. Социальная дифференциация английского языка в США.– М.: Наука, 1983.–215 с.
6. Лихачев Д. С. Арготические слова профессиональной речи // Русский текст: СПб., 1993.– №1.– С. 139-169.

Поступило в редакцию 22.03.2002 г.

*Жданова Н.А., Усиков В.А.
(Донецк, Украина)*

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДИСКУРСА И ЕГО ТРАНСКОДИРОВАНИЕ КАК ОСНОВА АДЕКВАТНОГО ПЕРЕВОДА

Большинство лингвистов, которые придерживаются диалектической концепции во взглядах на язык и общество, считает, что «язык – это часть общества и лингвистические явления, это социальные феномены особого рода, а социальные явления являются частично лингвистическими». Фзарклаф писал: «Язык и общество частично формируют друг друга, поэтому анализ языка как независимой (автономной) системы противоречит понятиям языкознания».

Дефиниция дискурса как «языкового использования» характерна для функционального подхода в лингвистике. Дискурс рассматривается как система (социально и культурно организованный способ говорения), посредством которой реализуются отдельные функции. Хотя формальные правила могут изучаться, функционалистская дефиниция дискурса уводит аналитиков от структурной основы подобных правил и фокусирует внимание на способе, посредством которого разговорные шаблоны (образцы) внедряются в речевые акты для определенных целей и в определенном контексте и/или на том, какой эффект они имеют в результате применения коммуникативных стратегий. Функциональный подход полагается не на жесткие грамматические характеристики высказывания как предложения, а на способ, посредством которого высказывание помещается в контекст те